

СТРОИТЕЛЬСТВО ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
РОССИЙСКОЙ КОРПОРАЦИИ НАНОТЕХНОЛОГИЙ (РОСНАНО)
Анатолий Борисович Чубайс

Начало XXI века, а вернее первое его десятилетие, характеризуется для России экономическим ростом, основанным прежде всего на сырьевом драйвере, совершенно специфического типа, с хорошо известными ограничениями. В этом смысле суть задачи, которая перед нами сегодня стоит, – переход к абсолютно новой модели, новому качеству экономического роста, основанному не на сырьевом экспорте, а на инновационном развитии.

Прежде чем ставить перед собой вопрос: «А возможен ли этот переход?», по-моему, правильно сначала оглянуться по сторонам и посмотреть, как решалась задача строительства инновационных моделей в других странах. США начали ее решение где-то в начале 1960-х и точно справились с ней к началу 1980-х годов. 25 лет потребовалось этой стране для решения такой задачи. Тайвань, один из очевидных лидеров в инновационном мире, решил эту задачу за 25 лет, начав в 1970-х годах. Израилю потребовалось около 20 лет, Южной Корее – 20 лет. Очень интересны примеры Сингапура и Финляндии. Еще в начале 1990-х годов Финляндия никем не признавалась не то что инновационной экономикой, а вообще экономикой, способной к решению этой задачи. Финская экономика тогда оказалась в катастрофическом положении. Никто и думать не мог о том, что в этой стране, в которой была лесопереработка, немного химии, вдруг сформируется мощнейшая инновационная отрасль. Сегодня на любой серьезной конференции, на любой серьезной межстрановой встрече Финляндия признается как очевидный лидер инновационной экономики. Всего 20 лет потребовалось стране для того, чтобы решить задачу. Повторю, старт начался с тяжелейшего кризиса.

Мир сообщает нам несколько совершенно очевидных истин. Во-первых, в 1980–1990-е годы сформировался пул стран – лидеров инновационного развития. Это история не 100-летней, не 200-летней давности, а совсем недавняя, свежая, происходившая в мире на наших глазах. Исторический срок, необходимый для решения этой задачи, вполне обозрим. Это не 500 и не 100, а 10,

1

2

20–25 лет. Кроме того, как мне представляется, наше время ожидания исчерпалось. Нас никто не ждал и ждать не собирается: не хотите – не надо. Рынок-то остается. Вот как на нас смотрят извне: «Нужна вам ваша промышленность – замечательно. Нужно вам авиастроение – чудесно. Не нужно – еще лучше. Поставим. Airbus и Boeing готовы, Bombardier на подходе». Совершенно ясно, что специфическая особенность этого вызова состоит в том, что вовне он никому не нужен. Он нужен нам. Это мне представляется очень важной особенностью для понимания существующей ситуации. Перейдем к основному вопросу: а можно ли решить эту задачу, разрешима ли она в нашей стране, в наших социальных, политических, конфессиональных, географических и других условиях? Дискуссии, которые ведутся сейчас, дают нам просто взаимоисключающие ответы по любому аспекту этого вопроса.

Возьмем науку и образование, которые, очевидно, являются одной из главных основ для решения задачи создания инновационной экономики. Мы сегодня легко найдем людей, которые скажут: «Наука и образование у нас полностью деградировали. Очевидно, что мы радикально отстали от мировых лидеров. Никаких шансов вырваться вперед нет». Есть и другая точка зрения: несмотря на серьезные проблемы в этой сфере, обе отрасли находятся на приемлемом уровне. За последние пять-семь лет, это надо признать, они получили очень серьезную поддержку со стороны государства. Я сам сегодня очень много разъезжаю по российским регионам. Вижу в воронежском госуниверситете оборудование такого класса, о котором в моем родном ленинградском инженерно-экономическом и мечтать не могли в 1970–1980-е годы. И это я вижу своими глазами практически везде. Я не стал выводить статистические оценки, хочу на качественном уровне прокомментировать наиболее значимые предпосылки для того, чтобы начинать решение задачи создания инновационной экономики.

Возьмем еще одну сферу, под названием технологически-инженерная культура, и мы увидим такой же разброс оценок, как и в оценках состояния науки и образования. Первая точка зрения заключается в том, что мы полностью отстали еще в советский период, в 1990-е годы деградировали до конца, все разрушено и шансов никаких нет. Если менее эмоционально и более содержательно рассмотреть отраслевой срез, то можно увидеть, что в классических советских отраслях высоких технологий остались сотни предприятий, работающих на хорошем уровне. Я имею в виду не только космос или атомную промышленность в целом. Я имею в виду классические отрасли, а также телеком, помимо которого в стране за 20 последних лет возникло несколько ранее не существовавших крупных отраслей, являющихся, по классике, хайтеком. От отрасли телекоммуникаций, о которой я уже упоминал, до программного обеспечения и высотного домостроения. Мы сами не очень-то заметили, как в этих отраслях вышли на мировые параметры. И в этом смысле оценки противоположные или даже взаимоисключающие.

Движемся дальше. Еще один компонент в таких сопоставлениях, в анализе возможности или невозможности создания инновационной экономики – частный бизнес. Широко распространено мнение о том, что он в принципе не способен решать задачи инновационной экономики, инновационного развития. Принято считать, что это вообще не для него, частный бизнес не мотивирован, не ориентирован и никогда не будет ориентирован на эти задачи. Но есть и другая точка

3

4

зрения. Российский частный бизнес очень молод, а точнее, даже юн. Ему менее 20 лет. Всего 21 год назад в нашей стране частная предпринимательская деятельность в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР наказывалась лишением свободы сроком от трех до восьми лет, давайте не забывать об этом. И за эти 20 лет российский бизнес из палаток перешел в магазины, а из магазинов перешел в самые современные, оборудованные по последнему слову техники сетевые торговые оптово-розничные компании, которыми мы с вами каждый день пользуемся. Он освоил не только средние, но и сложнейшие, крупные и крупнейшие бизнесы, глобальные бизнесы. В ряде отраслей наши бизнесмены являются сегодня конкурентами крупнейших глобальных компаний на мировом рынке. Да, конечно, российский частный бизнес по-настоящему не занимается инновациями, это чистая правда. Но может быть, он как раз и дошел до той стадии, когда уже способен это делать.

Мы понимаем, что инновационный бизнес с точки зрения интеллектуальной насыщенности, степени сложности, недетерминированности, стохастичности, наверное, один из самых сложных. Но, может быть, как раз сейчас российский бизнес и «дозрел» до того, чтобы замахнуться на эту задачу.

Еще один компонент, о котором нужно сказать, – мировой экономический кризис. Пессимисты говорят: «Ну, теперь все шансы вообще исчезли, о чем можно говорить, о какой инновационной экономике, когда все рухнуло, все полубанкроты или банкроты, просто пока еще об этом не сказали?» Противоположный взгляд состоит в том, что именно причина кризиса – надувавшийся пузырь – уводила деловую активность в сферы легкого обогащения, и тот факт, что они исчезли, может быть, как раз и является настоящим драйвером для того, чтобы естественно перераспределить эту активность в современные, высокотехнологичные сферы. Этот ряд сравнений можно продолжать, и продолжать достаточно долго. Я бы хотел перейти на следующий шаг в логике, от анализа «за» и «против», «возможно» и «невозможно» выйти на разговор о том, что собственно делать. Двигаясь в эту сторону, нужно начать с основы, с фундаментальных ценностей.

На каких ценностях мы собираемся выстраивать наше движение в сторону инновационной экономики? В поисках ответа на этот вопрос я увидел некоторые совершенно очевидные вещи, а также те, которые для меня были не очевидны и которыми я бы хотел с вами поделиться. Очевидно, что частная собственность, конкуренция, общепринятые правила игры, долгосрочная макроэкономическая стабильность, низкая инфляция, все эти фундаментальные рыночные ценности – основа основ, без которой невозможно построить рыночную экономику. Вместе с тем есть еще один крайне важный аспект, не менее значимый, чем все, что я перечислил. Этот аспект потребует серьезного переосмысления позиций всех, в том числе и наших, позиций российских либералов. Я имею в виду роль государства. Думая о роли государства, нужно учесть и мировой опыт – мы не первые на этом пути. С другой стороны, правильно задаться и вопросами о том, а что, собственно, следовало бы сделать государству? Мировой опыт в этой сфере черно-белый. Израиль – классика инновационной экономики, программа Yozma, хорошо известная специалистам, которая создала собственно венчурную индустрию в Израиле, более 100 млн. долларов – вклад государства. В стра-

не существует институт главного ученого министерства промышленности с ежегодным бюджетом по 500 млн. долларов. Государственные бюджеты на поддержку частного бизнеса велики. Южная Корея – 1 млрд. долларов. Финляндия – 582 млн. евро только по программе TEKES, которую многие знают, и SITRA, а еще вдобавок интеллектуальный центр – 50 млн. долларов. В США по программе поддержки малого инновационного бизнеса SBIR, хорошо известной, выделяется по 2 млрд. долларов в год. Настаиваю на простом, черно-белом, очевидном выводе: не существует ни одной успешной инновационной страновой модели в мире, которая бы возникла и существовала без прямого государственного участия. Это факт. Джентльмены не спорят о фактах, они спорят об их трактовке. Факт именно таков, и не видеть его мы не можем.

Если это так, что мы должны делать по этому поводу? Каковы наши задачи? Можно бесконечно обсуждать теоретический аспект дискуссии. Я попробовал для себя ответить на более простой вопрос. А что сегодня должно сделать государство? Каковы его задачи, очевидно стоящие перед нами, если мы хотим продвигаться в эту сферу? Их оказалось столько, что для начала пришлось их как-то классифицировать. С некоторой долей условности я разбил их на три группы. Первая из них – цели, приоритеты, политика. Совершенно очевидно, что цели, приоритеты и политика могут быть разными. Совершенно очевидно, что никто, кроме государства, их не установит. Посмотрим на известные нам страновые инновационные модели. В Израиле, упомянутом выше, вся концепция инновационной экономики практически заканчивается на интеллектуальной собственности, там нет крупных инновационных бизнесов. В Японии и Южной Корее противоположная модель – там практически нет малых инновационных бизнесов, все ровно наоборот. Есть модели, которые ориентированы на технологии, не буду перечислять все известные страны, в которых практически отсутствует фундаментальный НИР, но присутствует инновационная экономика самого высокого в мире уровня. Существуют модели, в которых все наоборот. Цели, приоритеты, политику в этой сфере обязано выбирать государство. Кто же еще? Конечно, делая это, оно должно идти от реальности, в том числе и от возможностей и запросов бизнеса и общества, но это его прямая обязанность и никто, кроме него, на этот вопрос не ответит.

Законодательство – настолько крупный блок, что о нем я скажу особо. Здесь множество инструментов, механизмов, процедур, это самый сложный блок, требующий гигантских усилий со стороны государства, чтобы продвинуться к современным инструментам и механизмам. В РОСНАНО предприняли попытку сформулировать не отдельные законы, а ключевые сферы, которые должны стать предметом государственных усилий. Что мы видим? Совершенно ясно, что корпоративное законодательство устарело, и абсолютно очевидно, что оно не адекватно потребностям инновационной экономики. Приведу один пример, надеюсь, профессионалам он будет понятен. Венчурный фонд – простая, классическая элементарная ячейка инвестиционной системы в инновационной экономике всех стран мира, более или менее развитых.

Что у нас? У нас, как известно, существует такая организационно-правовая форма, как ЗПИФы – закрытые паевые инвестиционные фонды особо рискованных венчурных инвестиций. Откуда им брать ресурсы? С финансовых рынков, и прежде всего от коллективных инвесторов, например от пенсионных фондов, которые, будучи консервативным финансовым институтом, во всем мире являются инвесторами, в том числе и в венчурные фонды, но в очень небольшой доле от активов, на уровне 0,5–1%. Что у нас? Поднимаем первые документы – смотрим: пенсионным фондам разрешено инвестировать в ЗПИФы особо рискованных венчурных инвестиций до 40% активов. Какой прогресс! Мы прорвались в новое пространство, этого еще никто в мире не сумел сделать, думаю я! Берем в руки второй документ – делать это разрешается только в те ЗПИФы особо рискованных венчурных инвестиций, паи которых котируются на действующих биржах в индексах AAA. Перевожу на русский язык – запрещено все. Первый документ – разрешено все, второй – все запрещено, мы передумали, концепция изменилась. Что это означает? Это означает простую вещь: никто никогда в нашей стране по-настоящему, всерьез, с профессиональных позиций не пытался осмыслить качество действующего законодательства с точки зрения инновационной экономики. Такая задача вообще не ставилась. Я же помню, как мы писали закон об акционерных обществах и какие задачи мы тогда решали. Я знаю, как мы писали налоговое законодательство, которое создавалось в значительной степени Егором Гайда-

ром в Институте экономики переходного периода. Мы решали задачу спасти государственную казну, заткнуть дыры, из которых бурным потоком вытекали государственные деньги, при полном отсутствии регулирования. Нам точно было не до сложной конструкции субсидирования процентных ставок или коэффициента увеличения затрат на НИР определенного вида, при учете не облагаемой налогом части прибыли. Такие задачи мы не решали, скажу сильней: и не должны были решать. Тогда была задача построить базу, основу здания, и она была построена. Сегодня задача другая.

Корпоративное и налоговое законодательство нуждается в серьезном пересмотре. Мы сейчас завершаем эту работу совместно с Институтом экономики переходного периода. Эта работа, которая велась Егором Гайдаром практически до самой смерти, – на самой завершающей стадии.

Экспортно-импортная деятельность. Поговорите сегодня с реальными новаторами – они есть сегодня в десятках городов страны. Первое, что они скажут: «Таможня задушила. Невозможно через нее прорваться вообще». Для таможни миллион тонн зерна или пробирка с пробой – одно и то же. С такой регламентацией пересечения границы вообще немыслимо во взаимодействии с миром что-либо создавать и развивать в инновационной экономике. Поэтому мы подготовили проект под названием «Зеленый коридор». Это проект существенного пересмотра таможенного кодекса, закона об экспортном контроле, закона о валютном контроле и десятка постановлений правительства, основанных на этих документах. Задача – создать стимулы для экспорта высокотехнологичной продукции, что потребует, повторю, крупного пересмотра действующего законодательства по экспортно-импортным отношениям.

Техническое регулирование. В декабре 2009 года приняты крупные поправки, которые сильно меняют конфигурацию технического регулирования в стране, но главное в другом. Давайте назовем вещи своими именами – закон о техническом регулировании провалился. В стране нет технического регулирования. Остатки советской системы, перемежающиеся регламентом на молоко и еще пятью регламентами, принятыми в последнее время. Так можно было жить, когда весь рост был на трубе. Более мягко выражаясь, так можно было жить ввиду концепции экспортно ориентированного роста. Так нельзя жить, если мы собираемся создавать инновационную экономику. Без технического регулирования она не может функционировать. Так не бывает.

Интеллектуальная собственность. Мы тут деликатно написали: амнистия на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при государственном финансировании. А за этим стоит еще более страшное слово, боюсь произнести, – «приватизация» интеллектуальной собственности. Мы все пытаемся понять, а почему она никак не реализуется? Мы бьемся над тем, что оценка неправильная и надо пересмотреть правила бухгалтерского учета. Для учета интеллектуальной собственности необходимо строго проверять предприятия, чтобы они вместе с материальными указывали нематериальные активы. Все правильно. Но только вначале – собственность, вы ее отдайте, пусть она будет, тогда я буду лоббировать и заставлять вас пересматривать законодательство. Сегодня она государственная – ничья. Или, благодаря решению четвертой части Гражданского кодекса РФ, регламентирующего интеллектуальную собственность, допускается возможность признания ее не государственной, а принадлежащей юридическому лицу. Какому юридическому лицу? Бюджетной организации, государственной бюджетной организации, которая благодаря прогрессивным изменениям в этой сфере может стать собственником. Ну и что? Что это за собственник боевой такой – бюджетная организация? Примерно понятны его стимулы, мотивы и предпринимательская активность. Я говорю только о кусочках темы, она более сложна и крупна, совершенно ясно, что на нее нужен качественно новый взгляд.

Бюджетный кодекс – сверхсложная история. Совершенно ясно, что бюджетный кодекс сегодня, по сути дела, убивает заинтересованность бюджетных организаций в долгосрочных исследованиях, а также в экономии затрат на них. Но ведь сегодня у нас 10 млрд. долларов в бюджете на науку, это серьезные деньги. И не в этом главная беда, а в том, что сегодня именно эти бюджетные деньги составляют львиную долю всего финансирования науки. Это означает, что тот канал, который работает в сегодняшней экономике финансирования, сегодня, здесь, – неработоспособен. Он убивает заинтересованность в том, чтобы эффективно расходовать эти средства. За этим стоит, и специалисты знают это гораздо лучше, чем я, крупнейшая фундаментальная проблема конструкции самого бюджетного кодекса. Нам точно придется ею заниматься, предлагать решения.

Миграционное законодательство. Если сегодня руководитель в крупной компании внедряет самое современное сверхтехнологичное оборудование и для осуществления комплексных поставок приглашает главного технолога, например, фирмы Siemens, для шефмонтажа, то этот самый главный технолог будет в тех же самых регламентирующих рамках, что и уважаемый строитель дачи из одной из южных республик. Принципы те же самые. Мы сегодня ограничиваем иммиграцию, но это абсолютно неадекватно. Она разная, эта самая миграция в России. И, не поняв это, нельзя выстраивать модернизационную задачу, нельзя строить инновационную экономику. Совершенно ясно, что все регулирование в этой сфере должно быть пересмотрено. Это только законодательство. Я сказал о том, что есть еще инструменты, механизмы и процедуры, о них можно говорить часами. Хотел бы сказать буквально несколько слов. Что имеется в виду? В этой сфере можно выделить пять блоков. Первый – инфраструктура инновационной экономики. Финансовая инфраструктура: гранты, pre-seed, посевные, допосевные, венчурные фонды. Нефинансовая инфраструктура: технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, технико-внедренческие зоны, вся эта инфраструктура немыслима без участия государства. Если вы сегодня посмотрите статистику, то вы с изумлением обнаружите, что у нас сотни и тысячи технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий. Они есть на бумаге, но их нет в реальной жизни. Что это означает? Это означает, что нормативная база непригодна. Это означает, что государство не приложило голову к этой теме. Невозможно строить инновационную экономику, если у вас нет инфраструктуры инновационной экономики. Так не бывает.

Государственный бизнес, составляющий гигантскую долю всей нашей экономики. Государство дозрело до того, чтобы всерьез начать требовать. В данном случае мы тоже считаем – это правильно. Требовать у государственного бизнеса начала инновационной работы. И хотя на комиссии президента каждый руководитель государственной компании начинал с того, что его компания является мировым лидером по инновациям, тем не менее ясно, что здесь поле еще далеко не вспахано. Мне представляется правильной идея инновационных программ, точно так же как 10 лет назад появилась идея инвестиционных программ, под которые возникла целая методическая культура, организационные процедуры, структуры советов директоров. Следующий шаг, на мой взгляд, от инвестиций к инновациям, от роста к изменению качества роста. Это значит – должны появиться инновационные программы крупных компаний с совершенно ясными, заданными целями. У нефтяников это будет коэффициент извлечения из пласта, у энергетиков – КПД генерации или потеря в сетях. А дальше под эту инновационную цель необходимо подбирать оборудование и внедрять технологии. Целостный документ, описывающий эти составляющие – насущная необходимость госкомпаний. С крупным и крупнейшим частным бизнесом так не получится – он так не работает. Такого рода требования к нему в нашей стране не жизненны. Работа государства с частным бизнесом, в моем понимании, должна основываться на двух принципах. Один – это поддержка инициатив. Если ты собрался делать что-то по-настоящему крупное в инновационной сфере, значит, ты можешь быть поддержан. Если ты собираешься выйти на мировой уровень с продуктами мирового класса. Сейчас налицо только другая сторона дела – получение помощи. Как мы знаем, за последний год едва ли не каждая крупная частная компания приходила за помощью к государству и продолжает приходить. Обусловь помощь. Conditionality – классический принцип. Такая логика бизнесу понятна. Это будет скоро обсуждаться, я полагаю, на одной из ближайших комиссий президента, надеюсь, что выйдем на соответствующее решение.

Региональная инновационная политика. Можно было бы вообще ничего не говорить из того, что я рассказываю, а просто говорить только о регионах. Я считаю, что в России роль регионального компонента в строительстве инновационной экономики абсолютно уникальна. Хорошо известно, что в США вся инновационная экономика сосредоточена всего в двух регионах: Калифорнии (Стэнфорд) и Массачусетсе (MIT). Половина всей инновационной экономики построена в двух штатах. Хотя если вы приедете в Техас, первое, что вам скажут: «Мы в Техасе – лидеры по инновационной экономике». Это не так. Приедете в Оклахому, скажут то же самое. И еще в десятке штатов скажут все то же. В действительности же далеко не у каждого получается. Получается в каких-то особых случаях – это химия соединения всего со всем. И у нас тоже будет то же самое. Первое, что нужно правильно сделать, – просто

изучить то, что уже есть. Москва этого не знает. Москва не знает того, что Томск и Казань – лидеры международного класса в инновационной экономике. Москва не знает того, что там работают десятки инновационных компаний с объемами продаж под сотни миллионов долларов, на мировом уровне, очень высокочеловеческие. Москва не знает той региональной политики, которая выстроена в Томской области и Татарстане по поддержке инновационной экономики. Ее для начала просто надо изучить. Дальше недурно для себя попытаться разобраться с тем, а что мы дальше собираемся делать. Мы будем в каждом регионе, от Чукотки до Чечни, строить инновационную экономику? Или, может быть, мы выберем приоритеты? Если да, то какие? Кто может ответить на этот вопрос, кроме государства? Совершенно очевидно, что здесь колоссальный вызов, который стоит перед государством, на который мы даже не пытались еще отвечать. Есть еще мелкий вопрос – федеральные органы исполнительной власти. Какое министерство сегодня отвечает за инновационную экономику? Если мы ее собрались строить всерьез, то кто главный, с кого спросить? А что с распределением полномочий между министерствами, а что с ресурсами, которые они реально на выполнение этой задачи имеют, а что с процедурами принятия решений, с механизмами. Наши ФЦП – это вершина человеческого развития или можно шагнуть еще куда-то дальше? Десятки вопросов, возникающих в этой сфере, означают, что объем задач государства здесь колоссален. Просто колоссален. У меня недавно была одна дискуссия, в которой один очень уважаемый мной финский эксперт сказал: «Дорогой господин Чубайс, инновационная экономика не возникает по приказу правительства». Я подумал и сказал: «Да, вы правы, по приказу правительства инновационная экономика не возникает. Но особенность России состоит в том, что без приказов правительства она тоже не возникает». Вот так мы устроены. Это значит, что и эту задачу нам тоже придется решать и всерьез о ней размышлять. Кроме того, пессимисты говорят: «О чем вы собственно говорите, да какую вы собрались строить инновационную экономику, у нас в нашей социально-экономической, социально-политической системе, которая нассквозь заражена серьезными тяжелыми болезнями». Я точно не открываю Америку констатацией абсолютной неукорененности и слабой защиты прав частной собственности. Это факт. Высокий уровень коррупции, кое-где и высочайший – это факт. Слабая судебная система – это факт. Слабая конкурентоспособность – это факт. Отсутствие конкуренции в политической системе и подконтрольность ведущих СМИ государству – это факт. И что? Вывод номер один: «И затеваться нечего». Или, как сформулировал мой коллега-демократ: «Вот пусть они сначала отменят басманное правосудие, а тогда мы им за это начнем строить инновационную экономику». Иначе сделать это невозможно и начинать бессмысленно, говорят некоторые мои коллеги. Не согласен категорически. Ни по сути, ни по содержательной логике. Парадокс состоит в том, что при всем при этом в десятках регионов она уже есть. Компания «Данафлекс» в Казани, «Микран» в Томске сегодня находятся на мировом уровне. И я мог бы назвать еще многие другие фирмы, которые сегодня работают на мировом инновационном уровне. Они возникли, когда государство и думать не думало об инновационной экономике. Когда государство своими руками выстраивало бетонные барьеры на пути строительства инновационной экономики. Это означает, что что-то не сходится в концепции, когда мне говорят: «Нет, сначала политическая демократизация и только потом можно думать о начале строительства инновационной экономики». Она все равно возникает, и это самое прямое, самое простое доказательство. Что это означает? Что не нужно заниматься модернизацией политической системы? Ну, конечно же, нет. Это сложнейшая, острейшая задача для нашей страны, заниматься которой необходимо. Но вместе с тем ни один из этих диагнозов не уничтожает самой возможности, необходимости, целесообразности реальных действий по строительству инновационной экономики в нашей стране.

Итак. Во-первых, инновационная экономика – это задача, которая не была решена ни советской властью, ни российской экономикой. Во-вторых, наш исторический резерв времени исчерпывается на наших глазах. Я не знаю, сколько осталось – год, два, три, пять, может быть. Но то, что он исчерпывается – вижу абсолютно ясно, просто визуально. Третий вывод: в современной России не существует ни одного механизма социального, политического, экономического, который блокировал бы запуск строительства инновационной экономики. Четвертый вывод: инновационная экономика в нашей стране может быть построена исключительно на базе фундаментальных рыночных ценностей, но конечно же с одновременным переосмыслением роли государства. И над этой задачей нужно будет очень серьезно работать. Наконец, пятый, последний: строительс-

тво инновационной экономики в России – это сложнейшая социально-экономическая задача. Для себя я пытался определить степень сложности этой задачи – это, по сути дела, реформа, по сложности сопоставимая с самыми серьезными преобразованиями, через которые прошла наша страна за последние 20 лет. Это вывод серьезный, непростой. Вместе с тем считаю, что задача эта может быть решена в исторически обозримые сроки. Хорошо понимаю, что мои выводы не являются истиной в последней инстанции.

Хочу обратиться к оппонентам, к тем, кто 20 лет пригвождал нас к позорному столбу: дайте ваш ответ, только не в режиме «Развалили Россию» и «Почем ваучер за две волги?», а в серьезном режиме. Дайте какой-то конструктивный ответ. Он всем нам нужен. Дайте ответ на простой и в то же время мистический, исторический русский вопрос: «что делать?», тем более что ответ на вопрос «кто виноват?» уже, собственно, дан.

ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РОССИЯ И МИР: ВЫЗОВЫ НОВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»,
ПРОВЕДЕННОЙ АКАДЕМИЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ, ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИКИ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА И ЭКСПЕРТНЫМ СОВЕТОМ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО ПОВЫШЕНИЮ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ И ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ Е.Т. ГАЙДАРА